

Я ЗАСТАЛА его врасплох, “уви- того листвою винограда”, в тот эйфорический миг, когда он, слегка ошеломленный, вынырнул из последней волны явно затянувшегося юбилея. Объявил торжества приключились как бы сами собой, помимо его воли. Готовился скромно встретить очередной – 70-й – день рождения, а вышло иначе: аншлаг в муниципальном концертном зале, личное присутствие руководителей города и края, возторженно-ласковые признания публики...

Умные братья десятилетиями поглядывали на Ивана из президиумов дружелюбно, а все же чуточку свысока. “Иваново” место – галерка. “Иванова” роль – рассказывать байки (рассказывает он их знаменито, доводя слушателей до той степени изнеможения, когда хохот переходит в икоту и жалкое хрюканье...). Но вот время! Гордые члены президиумов в одночасье опрокинулись в рядовые пенсионеры, иных уж и позабыть успели, а Варавва оказался вдруг – народный поэт!

Обычно добавляют: Кубани. Ну конечно – Кубани. Ею пропитано все, им написанное. Многие его стихи – это переложенные на современный язык старинные ее песни, думы, сказанья. Из книжек Вараввы становится ясно, откуда на Кубани что взялось: и названия улиц, и потайные пружины характеров... И сам он столь яркое и обаятельное воплощение местного колорита, что чуткий Борис Васильев, однажды познакомившись с ним в Москве, не упустил случая запечатлеть оригинальный образ. Помните “Офицеров”? И красавчика Ланового – “Ванечку Варавву”, удалого казака с чубом и в фуражке набекрень?

Так вот, “настоящий” Варавва еще чубатей. Свой, без грима. И с бандурой под мышкой. Сорок лет звенит на Кубани песня той бандуры – без усталости, какая бы ни стояла в казачьем краю погода, какая бы ни владела им власть.

А земляки платят любовью. Станичники Варавву в гости зовут, школьники по его книжкам сочинения пишут, казаки на его фоне фотографируются. Краевой театр драмы собственный 75-летний юбилей отметил постановкой стихотворной пьесы Вараввы “Конфуз на ярмарке” (в театральной версии “Хорош дом, да морока в нем”). Это смешная комедия-лубок про первых запорожцев, командированных Екатериной на Кубань, – с Сатаной, чертом, ангелами и любовным треугольником из простого казака Ивана, атамановой дочке Маруси и черкесской княжны Фатимы... “На первый взгляд показалось – бред сивой кобылы, – признаются в театре. – Потом стало нравиться. И чем дальше, тем больше...”

А что самое ценное – никакой “кляквы”.

В ОФИЦИАЛЬНОМ своем виде Иван Федорович выглядит внушительно: гривастый гигант в строгом костюме, с двумя орденами Красной Звезды и “За возрождение Кубани” (выдан казачьей Радой) – и с неизменной окопной планшеткой в руках... Некоторое время назад казаки старинного пригорода Краснодара – Пашковки (где Репин портреты своих “запорожцев” писал) – приняли его в почетные атаманы. Подарили папаху, черкеску, кинжал и сапоги. А он все стеснялся надеть. Только 9 мая решился. “Трудно, – говорил, – прикоснуться к этой славе, к этой боли... Вот молодежь – та запросто носит...”

Удивляться, впрочем, нечему. Молодежь сию экзотику получила как неожиданное, однако законное наследство. Потому нарядилась – и радуется. Поколение Вараввы почти всю жизнь было вынуждено хранить само свое “казачье” происхождение, как страшную тайну.

Не знаю, может ли сегодня хотя бы кто-нибудь вразумительно объяснить, зачем потребовалось вытравлять саму память о казаках в России? И ведь почти удалось вытравить. В общественном сознании – особенно неказачьей Центральной России – прочно уложилось: казак – беляк, царский прихвостень, враг... А в казачьих станицах прятали по чердакам Георгиевские кресты, прятали именное оружие, полученное за подвиги в боях во славу отчизны. Надевший черкеску выглядел сумасшедшим. Детям из осторожности не рассказывали семейных преданий о воинской доблести дедов. А сами

“СЧАСТЛИВЫЙ, счастливый Иван!.. – проникновенно выписал в юбилейном посланье другой любимец кубанских читателей – Виктор Лихоносов, имея в виду мощную родословную Вараввы. – Пока я 40-го лет рылся в старых казачьих бумагах, все время ты мне попадался. Ну не ты лично, а фамилия твоя...”

Сам Иван Федорович склонен считать свой род из еще более седого далека. В семейной хронике запомнился ему сюжет о бурлаке, утопившем с товарищами злого урядника и подавшемся затем то ли на Дон, то ли к запорожцам...

С особым чувством вспоминает деда

Ирина КИРЬЯНОВА

Казак и аргонавты

История смелой и веселой жизни

Мем. раз. – 1995. – 2 абт. – с. 13.

деды были порасстреляны да повывсланы. Высылали и профессиональных исполнителей казачьих песен, запевал старых казачьих полков. Про Ростовский казачий ансамбль “пулю отлили”, будто музыканты в мехах бомбу на Сталина прятали. На Кубани не пощадили даже 80-летнего руководителя казачьего хора – так и сгинул старик в ссылке... Сгинула чрезвычайно интересная, самобытная культура, мало общего имеющая с сегодняшним клубным псевдофольклором да, пожалуй, и с экспортным вариантом казачьих шлягеров в блестящем исполнении коллектива Виктора Захарченко.

Только сгинула – да не совсем. До войны еще пели в базарные дни свои печальные и героические “думы” бандуристы... Помнили песни погибшего мира живые вопреки войне, голоду, коллективизации и “расказачиванию” бабушки... А бывало, гармонист заиграет вдруг эдакое... “Что это?” – спрашивает молодежь. “Да полька-маховка”, – усмехается музыкант... А то старики подвыпьют – сами просят: “Сыграй-ка ты нам “С под-двуглавого орла”...”

Так что при желании многое можно было услышать, увидеть, почувствовать, зафиксировать. Вот Иван Варавва и услышал. И зафиксировал. Генетически – и впечатлительной лирической душой – сумел добыть из быстро скудеющей почвы живые покуда соки. Потом “казачье” прорвалось стихами, циклами, сборниками – в невдуманном, сокровенном “народном духе”. Когда сборников набралось с три десятка, оказалось, что сложилась, в сущности, поэтическая летопись кубанского казачества. Летопись простой и героической жизни, основу которой неизменно составляли война, пашня, любовь...

Натяну серебряные струны,
На веселый лад их настрою,
Проведу я пальцами по струнам,
Удалую песню заиграю.
И тогда увижу в дальней дали
Битый шлях, ромашковое поле,
А по шляху пыльному, по полю
Проезжают хлопцы-запорожцы...

Много было печали. Но жизнь шла своим чередом. В моду входили комсомольцы и поэты. Мальчики соревновались на литературных турнирах. Иван тоже. В 7-м классе на районной олимпиаде получил грамоту “За исполнение стихов собственного сочинения”. И в комсомол вступил, чем страшно обидел бабушку. Но она была добрая и простила. А потом началась война, и на Кубань пришли немцы. Кое-кто из одноклассников подался к ним на службу. Некоторые причем не из страха – из чувствамести... Иван ушел с последними обоями Советской Армии. До призыва ему не хватало полгода. Отец сказал: “Сынок, сам выбирай свою судьбу...” И он выбрал. “Отчество жило в нас, несмотря ни на что...”

Воевал хорошо. Только с дисциплиной не ладил. И стихи писал. Дивизионка часто ему заказы делала, старшина для такого дела вместо блокнотов мишени выдавал. Еще лучше расходился меж солдат его частушки. Из-за одного шуточного стишка некоему сержанту пришлось даже переводиться в другую часть. Сержант был злойщик, а солдаты на него без смеха смотреть не могли...

Всю войну таскал с собой бабушкин “заговор” – и верил, что не убьют. Напечатал семь случаев неминуемой смерти. Однако же миновала!..

Был я красив и удачлив.
Юностью весел и смел...

Их полк до 50-го года стоял в Киеве, на Подоле. Ивана, бравого фронтовика, сватали в военное училище. “Нет-нет-нет,

Фото М. ГАМАЗОВА

– сказал он. – У меня лирическая душа...” И пошел в поэты. Подружился с красавицей Линой Костенко, начинающей тогда поэтессой. С мэтром украинской поэзии Владимиром Сосурой... На II съезде писателей Украины познакомился с Твардовским, а еще раньше представился ему в письмах. Война сблизила поколения. Какие там церемонии! “Они нас любили, считали, что мы идем им на смену... Сосюра подбадривал лаской – ты, говорил, Иван, ще краше меня пишешь...” И оба мэтра, московский и киевский, рекомендовали Варавву в Литинститут.

На курсе собралась отличная компания. Ваншенкин, Винокуров, Орлов... Борис Балтер был староста. Курсом старше учились Гамзатов и Солоухин. Было много талантливых студентов, судьбы которых потом сложились так, что имена их не сделались общеизвестными... Но, наверно, самой важной для Ивана Вараввы стала встреча с профессором-фольклористом Виктором Сидельниковым, под руководством которого несколько бесшабашный казак начал систематически собирать и записывать старинные песни Кубани. Разыскал и чудом уцелевших в ссылке бывших царевых запевал. Хвалится, что его коллекция по сей день далеко не исчерпана и есть в ней такие сокровища, о каких никто еще понятия не имеет, даже дотошный Захарченко...

В 66-м году в Краснодаре вышел составленный Вараввой под руководством Сидельникова сборник “Песни казаков Кубани”. В нем впервые за советские годы был опубликован гимн кубанского казачества “Ты, Кубань, ты наша родина”, созданный войсковым священником Константином Образцовым на позиции турецкого фронта. (Теперь он снова стал официальным гимном края.) Была в том сборнике и совсем уж опальная “Ще й не вмерла Украина...”. Кому-то потребовалось сделать из этого всесоюзный скандал. Сначала один из секретарей Львовского обкома КПСС наябедничал в ЦК. А там уж Комитет по печати при Совмине СССР поспешил с приказом “Об ошибках в сборнике “Песни казаков Кубани”... Что надолго осложнило отношения поэта с из-

дательствами и цензорами. И, может быть, стало одной из причин того, что Варавва, весьма удачно начинавший у Твардовского в “Новом мире” и первый сборник выпустивший в Москве, со временем окончательно погрузился в кубанское затворничество, в мир казачьей старины...

...У казаков дальняя дорога,
У бандуры песня вековая,
И мое востроженное сердце
Никаких не знает расстояний...

С ОБЛАЗНЫ, конечно, были. Один из наиболее манящих – кино. Учился на Высших сценарных курсах, причем попал в мастерскую Довженко. Они с Александром Петровичем друг другу понравились – оба фантазеры, оба сердцем поэты... Довженко одобрил замысел сценария “Аргонавты”, предложенного Вараввой. В основу сюжета легла популярная тогда на Кубани версия одного крымского профессора, утверждавшего, будто легендарные искатели золотого руна плыла не в Колхиду, а мимо, в Северное Причерноморье, в город Эйю. А на Кубани есть река Ея и город Ейск. А если еще углубиться от моря на указанное в древних источниках количество стадий, можно угодить как раз в родные Варавве окрестности станицы Староминской... В общем, знакомый грек переводил ему в Ленинке Геродота, и аргонавты все увереннее продвигались к “отцовской хате” поэта. Сложность заключалась в том, что Варавва непременно решил столкнуть древних греков с советской действительностью, но мудреная эта стыковка никак не хотела получаться... А тем временем рядом писал что-то свое Борис Васильев. И частенько отвлекал Варавву расспросами о кубанских казаках. Тот с удовольствием рассказывал. К примеру, про второго своего деда, Тихона, награжденного за службу “красными революционными шароварами”... В итоге “Аргонавты” так и не стали фильмом (взялся, было, за Вараввин сценарий Птушко, да не успел снять, умер...). А вот “Офицеры” удачи. “Однажды Лановой приехал на Кубань, и они встретились. Актер сказал, что Варавва – его лю-

бимая роль. Не знаю, поведал ли поэт, как донимали его после фильма земляки. Пионеры звали “рассказать о вашей интересной жизни”. Старики насмешничали: “Ты ж, Иван, молодой еще, когда успел с басмачами да японцами повоевать?...”

Между тем на “Мосфильме” тоже обратили внимание на человека столь колоритного. Знавшие Варавву в расцвете рассказывают: красив был до того, что если с утра взглянешь – до вечера под впечатлением ходишь... Стали его на кинопробы приглашать. Особенно звали в фильм “Хождение за три моря”, на Афанасия Никитина пробоваться. Внуки до сих пор простить не могут, что отказался.

А отказался потому, что почувал опасность. Неудача с “Аргонавтами” чрезвычайно возмутила его гордость. Показалось: еще немного – и столичная жизнь затянет окончательно, превратившись в череду чужих ролей. Он вернулся на Кубань. Остался верен своей собственной роли.

Нет, тоска – не его амплуа. На премьере вараввинского “Конфуза...” в драмтеатре опять стоял сплошной хохот. Актеры озорничали с наслаждением. А суть представления была такова: Сатана с Екатериной что-то вроде пари заключили. Царица уверяла, что приживутся казаки-запорожцы на Кубани и счастливы тут будут, несмотря ни на что. Сатана же сомневался. Сам обещал казакам не мешать, но мелкого шкодливого черта к ним все-таки подослал. Много накуролесили станичники по ходу действия. Однако кончилось смехом и свадьбами.

А Варавва шепнул по секрету, что новую пьесу задумал. Тоже про первых запорожцев, тоже с чертами и трже комедию – о проблеме отцов и детей в ситуации “свободного рынка”... Кончится, вероятно, тем же – свадьбами и смехом. Таков жанр. Таков и характер автора. Видимо, изменить это даже черту не под силу.

Разгулялась по свету метелица,
Не уймется, не стихнет никак.
А мне помнится, а мне верится –
На коне я, кубанский казак!..

КРАСНОДАР